

В Дирекции дворцового хозяйства те, кто намеревался устроить Чи Нину холодный приём и сразу указать новоприбывшему его место, ждали и ждали. Однако новый генеральный управляющий всё не появлялся. Вместо него прибежал запыхавшийся юный евнух с докладом:

— Господин Линь у самых ворот внезапно предался меланхолии. Застыл на месте и созерцает небеса.

От такого ответа заговорщики едва не захлебнулись собственной жёлчью.

Сумасшедший! Настоящий безумец!

Но стоило им решить, что юноша так и продолжит витать в поэтических облаках, как тот совершил внезапный манёвр и бесцеремонно, размашистым шагом вошёл в палату. Поди угадай, что у него на уме!

Младшие слуги к такому повороту готовы не были. Застигнутые врасплох, они подняли суматоху, заставив Чи Нина вдоволь посмеяться над их неловкостью. О заготовленном и отрепетированном представлении, призванном умерить спесь гостя, все мгновенно забыли. Воистину правду говорят древние: первый удар в барабан пробуждает отвагу, второй — притупляет её, а к третьему она иссякает без следа.

Одержав победу без единого боя, Чи Нин вальяжно опустился на стул и лениво зевнул. В его живом, лукавом зоре читался неприкрытый вызов, смешанный с издёвкой. Одним лишь выражением лица он умудрился заявить присутствующим: «Похоже, в этой Дирекции перевелись достойные противники. И я сейчас не намекаю на кого-то конкретного — я прямо говорю, что вы все до единого никчёмный сброд».

Младшим евнухам оставалось лишь давиться злобой, силясь сохранить на лицах подобие вежливых улыбок.

«Мой человек, — не без гордости рассудил Юань. — Просто великолепен!»

Обосновавшись во главе палаты, Чи Нин развалился на стуле так, словно в его теле не осталось ни одной кости — устроился поудобнее, выбрав самую вальяжную позу. Он вёл себя до того непринуждённо, будто вернулся в собственную усадьбу. Прочих же обитателей этого «дома» юноша попросту не принимал в расчёт.

Подобное высокомерие, разумеется, вновь до глубины души уязвило того, кто дёргал за ниточки из тени.

«Ты ведь нарочно это устроил?» — поинтересовался Юань.

«Ох, я всего лишь притомился с дороги. Поверите мне?» — невинно отозвался Чи Нин.

Дважды пересечь весь императорский дворец пешком — испытание не из лёгких, отнимающее прорву сил.

«Если сам веришь в свои сказки, то и я поверю», — со смешком отозвался злой бог.

Оставив шутливую перепалку, Чи Нин подозвал суетившегося неподалеку младшего директора и деловито спросил:

— Директор с печатью на месте?

Императорский указ уже вступил в силу, и с этого дня Чи Нин официально занял пост генерального управляющего евнуха Дирекции дворцового хозяйства. И всё же новому чиновнику следовало соблюсти порядок: явиться к вышестоящему начальству, подтвердить назначение и принести краткий рапорт.

В структуре Двенадцати дирекций главой ведомства бесспорно считался директор с печатью. Второму лицу в зависимости от приказа давали разные чины. К примеру, в Дирекции церемониала сразу за директором следовал пишущий евнух, тогда как в Дирекции дворцового хозяйства вторым по значимости лицом был генеральный управляющий. Именно эту должность теперь и занимал Чи Нин.

Проще говоря, чтобы приступить к делам, юноше необходимо было получить формальное согласие директора с печатью и принять дела у прежнего генерального управляющего.

Пока его новое положение оставалось неподтверждённым, Чи Нин пребывал в подвешенном состоянии: прежних полномочий оборонного евнуха его уже лишили, а законных прав в столичном ведомстве он ещё не обрёл.

Ещё несколько месяцев назад Дирекция дворцового хозяйства оставалась вотчиной евнуха Чжана, наставника Чи Нина. По этой причине, как бы заносчиво ни вёл себя юноша, принимали его по высшему разряду, ублажая изысканными яствами. Но стоило завести речь об официальном вступлении в должность или аудиенции с новым директором с печатью, гость наталкивался на глухую стену из вежливых отговорок и витиеватых увёрток.

— Вы теперь наш генеральный управляющий, — лепетал младший чиновник. — Кто, кроме самого директора с печатью, посмеет превысить полномочия и подтвердить ваше вступление в должность?

— Я уже отправил ученика на поиски господина Чжоу. Его превосходительства сейчас нет в канцелярии, и мы ума не приложим, когда он изволит вернуться.

— Сжальтесь, господин, соблаговолите подождать ещё самую малость.

Потягивая заурядный чай, предложенный слугами, Чи Нин усмехнулся про себя. Чего тут было не понять? Против него применили старейший, излюбленный дворцовый приём, самый гнусный и изматывающий — его попросту решили изнурить ожиданием.

Тебя не бьют, не осыпают бранью и не подвергают явному унижению. Напротив, окружают показным почтением, сыплют благовидными предложениями, но пальцем о палец не ударяют. И сколько бы ты ни исходил злостью, как бы ни горели сроки — они лишь станут разводить руками, прикрываясь предписаниями. Если дело в итоге прогорит, винить придётся лишь собственную нерасторопность, а жаловаться будет некому.

Эта уловка подобна тонкой игле, вогнанной под ногти: со стороны увечья не разглядеть, но боль грызёт изнутри непрестанно. Чи Нин предвидел нечто подобное, оттого и решил с ходу пойти наперекор, надеясь вывести недоброжелателей из равновесия и заставить совершить оплошность.

К досаде юноши, тайный враг оказался куда терпеливее, чем виделось поначалу.

Вылитая черепаха.

Тёмная одержимость по имени Синчжи, доселе восседавшая на потолочной балке у ворот, уже скользнула наземь и увязалась за Чи Нином, явно предвкушая забавное зрелище.

На входе Чи Нин уделил одержимости немного внимания, но затем быстро потерял к ней интерес.

Однако Синчжи...

вовсе не собирался так просто отпускать добычу.

Проведя бездну лет в облике неупокоенной одержимости, он впервые обрёл собеседника, способного слышать его. И пусть язык у этого смертного был ядовитее змеиного укуса, Синчжи ни за что бы его теперь не упустил!

Проще говоря, «барышня» Синчжи оказался не на шутку увлечён.

Чи Нин же подобрал куда более точное определение: привязался пуще банного листа.

Юань намеренно скрыл большую часть своей грозной ауры, желая поглядеть, как именно Синчжи вознамерится завязать с юношей эту причудливую нить судьбы. Обычно злой бог обходил вниманием человекоподобных одержимостей по той же причине, по какой брезговал людьми — они казались ему пресными. Но бесполезными эти существа не были, ведь они то и дело устраивали великолепные представления на потеху божеству.

Любовь, ненависть, вечный круговорот кармы... Порой ради вящей забавы Юань даже одаривал особо упрямых одержимостей толикой своей силы, дабы те поскорее сумели исполнить заветное желание.

Вкусы у тёмного владыки, надо признать, были весьма причудливыми.

Чи Нин считал себя куда более добросердечным. Ему не было дела до чужих забав, однако юноша не прочь был извлечь выгоду из способности Синчжи беспрепятственно и невидимо шнырять по Дирекции.

Что ж, в коварстве они со злым богом стоили друг друга.

Впрочем, и сам Синчжи не отличался кротким нравом. Он принялся язвительно насмехаться над Чи Нином при первой же возможности:

«Поглядите-ка на него! До чего же ты несносен, раз тебя так откровенно выставили дураком? Тоже мне, генеральный управляющий! Да тебя здесь ни в грош не ставят, ценишься меньше заурядного писца!»

«О как? — Чи Нин приподнял бровь. — И с чего вы взяли, что меня выставили дураком?»

Одержимость, бывшая по сути лишь бесформенным сгустком чёрного тумана, умудрилась скрутить из своей дымной плоти на редкость выразительную гримасу презрения:

«Неужто ты настолько глуп, что не замечаешь столь очевидной каверзы? Если так, то голова на твоих плечах служит исключительно для украшения. Нет, мне правда любопытно: как ты вообще выжил в этом дворе? Неужто за счёт беспримерного скудоумия?»

«Да о каких уловках речь? — Чи Нин продолжал разыгрывать сомнение. — У вас есть доказательства? Быть может, у господина директора действительно возникли неотложные дела и он покинул канцелярию?»

«Да он сидит в собственном саду на заднем дворе!» — чёрное облако забурлило от негодования. Синчжи не верил, что на свете бывают столь непроходимые простаки. Прежде его мало заботила возня живых; он лишь блуждал в полузабытьи, изо дня в день повторяя сцену своего повешения у ворот Дирекции. Но теперь его разум прояснился, и, уязвлённый недоверием, разгневанный дух мгновенно ринулся на задний двор добывать неопровержимые улики.

Чи Нин вальяжно сидел на своём месте, неторопливо обдувая чашку и прихлёбывая чай, который поначалу отдавал горечью, но оставлял на языке приятное сладковатое послевкусие. Юноша довольно сощурился. Одержимости, терзаемые слепой одержимостью, отдавали все силы какому-то одному воспоминанию, из-за чего в прочих суждениях оказывались до

смешного простодушны.

Что, впрочем, было ему лишь на руку.

«Они лишь отголоски чувств, а не живые люди», — подтвердил догадку Чи Нина Юань. Вопреки суевериям смертных, не существовало ни мстительных демонов, ни круговорота перерождений. То, что люди звали одержимостями, было лишь слепком предсмертной тоски, застрявшим между мирами. Они хранили лишь обрывки прежних воспоминаний усопшего и упрямо цеплялись за одну-единственную мысль.

Они не были теми, кто оставил этот след, и не наследовали в полной мере характер покойного.

Ведь со смертью человека угасает всё.

Вскоре взбудораженный Синчжи вернулся, неся с собой неопровержимое доказательство. Он ворвался в залу подобно урагану. Движимая гневом, одержимость даже не заметила, что её разум не просто прояснился, но и налился силой, позволившей ей взаимодействовать с материальным миром.

Господин Чжоу действительно преспокойно отдыхал в просторном внутреннем дворе Дирекции, услаждая себя ароматным дымом из трубки. Улика, которую притащил Синчжи, не оставляла сомнений — это была личная яшмовая печать директора. Пока одержимость сжимала её в своих туманных пальцах, вещь оставалась невидимой для обычных людей.

«Ну что? Теперь-то ты мне веришь?»

«Вы поистине невероятны, почтенный Синчжи! Обладать столь великим могуществом... Простите мне моё невежество, я не сумел сразу разглядеть вашу силу», — Чи Нин улыбнулся ещё шире, и его глаза превратились в полумесяцы.

Для тех, кто мог принести ему выгоду, у юноши всегда находились самые сладкие речи.

Синчжи так и раздулся от гордости.

«Не соблаговолите ли вы позволить мне взглянуть на эту печать поближе?» — тут же крадчиво поинтересовался Чи Нин, ловя момент.

«За кого ты меня держишь? — фыркнула одержимость. — Отдать её тебе, чтобы ты похитил печать и выставил евнуха Чжоу дураком? С какой стати мне тебе помогать?»

Одержимость хоть и была наивна, но остатки разума всё же сохранила.

Чи Нин ничуть не огорчился и со всё тем же добродушным выражением лица ответил:

«Что ж, тогда не нужно».

«Решил взять меня на слабо? Ха, не выйдет!» — Синчжи возомнил себя великим мудрецом, раскусившим коварный замысел смертного. Дух вновь начал погружаться в пучину своего упрямства:

«Пока я существую, никто не получит эту печать! Ни единая живая душа!»

«Видишь? — Чи Нин мысленно послал Юаню победный взгляд. — Разве эти одержимости не прелесть?»

Для него было совершенно неважно, в чьих руках окажется вещица. Главное, чтобы её лишился сам директор Чжоу — одна лишь эта пропажа сулила чиновнику огромные неприятности. Похитить Чи Нин печать, ему пришлось бы просить злого бога скрыть её от чужих глаз. В руках же Синчжи она исчезла для этого мира безвозвратно.

Убедившись, что одержимость мёртвой хваткой вцепилась в добычу, юноша спокойно поднялся со стула и покинул залу.

Нового директора Дирекции дворцового хозяйства звали Чжоу Хайва, а за глаза величали Чжоу-Черепухой — за его привычку при малейшей угрозе втягивать голову в плечи и безмолвно сносить любые невзгоды. Он принадлежал к фракции Мучунь. Нынешняя выходка была редким проявлением дерзости с его стороны, предпринятым с единственной целью — уязвить новоприбывшего.

С одной стороны, он желал выслужиться перед влиятельным евнухом Ма. С другой — пёкся о собственной шкуре. Ему требовалось укрепить свой авторитет в ведомстве и наглядно показать подчинённым: кем бы ни был Чи Нин в прошлом, здесь его бывшая слава не стоит и гроша. Чжоу Хайва зубами вцепился в с трудом обрётённую должность и не намеревался уступать её кому бы то ни было.

Узнав, что Чи Нин ушёл ни с чем, Чжоу Хайва презрительно хмыкнул:

— И это прославленный господин Линь? Сдаётся мне, все его заслуги — лишь тень покойного наставника. Не иметь даже капли терпения... И этот глупец вздумал тягаться со мной?

Сам Чжоу Хайва всю жизнь следовал правилу затаиться и копить силы, безропотно снося любые обиды. Ему претила заносчивая порывистость Чи Нина, оказавшегося неспособным пережить даже столь ничтожное унижение.

— Ступай, — велел он слуге. — Свяжись с господином Ма. Передай, что я избавил его от

главной занозы в сердце.

— Учитель, а что вы задумали? — с любопытством спросил суетившийся рядом ученик.

— Чи Нин не стерпел обиды, — злорадно ухмыльнулся Чжоу Хайва. — А раз так, он в гневе отправится в свою загородную усадьбу. Вот только посуди сам: евнух возвращается в столицу, пренебрегает службой и укрывается в частном поместье, живя вне дворцовых стен... Какой приговор его ждёт за подобное самоуправство?

Самое малое — застенки Императорской тюрьмы, где ему быстро пересчитают кости.

— Возомнил, будто его наставник всё ещё может заслонить ладонью небо? Наивный дурак!

Что же до самого Чи Нина...

Едва покинув ворота Дирекции, он без тени сомнения направился напрямик к поместью сиятельного князя Цзина. Послание с просьбой о визите, отправленное им заблаговременно, пришлось как нельзя кстати.

<http://bllate.org/book/20385/2130969>